

©

*Корсун В.А.
МГИМО (У) МИД РФ*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ КИТАЙСКОГО РУКОВОДСТВА к ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦ КНР*

Традиционная китаецентристская концепция построения связей с окружающим миром исключала какое-либо самоограничение в плане, в первую очередь, цивилизационной, а затем уже территориальной экспансии. Практически все китайские династии преследовали цель создать вокруг страны плотное кольцо зависимых стран (степень зависимости которых определялась не по удалённости от Китая, а по степени усвоения и приверженности конфуцианским ритуальным ценностям «даннической системы»), призванное оборонять внутренние земли, точнее, защищать их от внешнего воздействия. В этом плане экспансия в соседние страны неизменно представлялась как носящая оборонительный характер, а само слово «фань» («варвар») в первом слое этимологии сопрягалось со значением «изгородь», что не мешало «данникам» с готовностью и легкостью воспринимать церемониал «коуту» и «китайский мировой порядок» на протяжении столетий, когда Китай выступал в роли исключительно культурного «донора», а его соседи в качестве «реципиента» китайских достижений. Вместе с тем, своеобразное самоощущение, в духе рефрена «мы за все в ответе на планете» (достаточно вспомнить конфуцианскую сентенцию о том, что «истинный владыка (ван) ничто не считает внешним», а также то, что под наименованием Поднебесная (Тянься) мыслился не только Китай, но и весь мир, отличало психологию китайских императоров.

Тезис об утрате Китаем исторических земель – Бирмы, Вьетнама, Таиланда и остальной части Индокитайского полуострова, гималайских государств – Непала, Бутана и Сиккима, а

---

*Доклад, подготовленный для Международной конференции Института востоковедения РАН по вопросам сотрудничества и безопасности в Южно-Китайском море, 18 октября 2013 г.

также пригималайского района индийского штата Аруначал-Прадеш, Афганистана, Индонезии, Рюкю, Тайваня, Кореи, Монголии, Приамурья, Приморья и Сахалина, а также значительной части территорий республик Средней Азии – усвоили и отстаивали как деятели партии Гоминьдана, в частности Сунь Ятсен и Чан Кайши, так и деятели Компартии Китая – Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Некоторые китайские издания в КНР и на Тайване по сей день утверждают, что приход русских землепроходцев в Приамурье и Приморье был вторжением на территорию Китая.

При площади современного Китая в 9,6 млн. кв. км общая площадь территорий, «утраченных» Китаем, оценивалась различными китайскими авторами в гоминьдановский и послегоминьдановский периоды от 4 до 10,5 млн. кв. км. К стандартным для внешнеполитического поведения Китая методам доказательства территориальных претензий китайской элиты относятся как общая концепция всемирной истории, исходящая из неизменного миролюбия Китая и априорной агрессивности его соседей, так и рассуждения классиков марксизма-ленинизма и ряда представителей советской исторической науки о Китае, как исключительно объекте и жертве экспансии Запада, а также препарированная история неханьских народов («теория единой китайской нации») и подкрепленная «картографической агрессией» китайская версия историко-правовой основы формирования границы. При этом поражает преемственность внешней политики Китая по территориальному вопросу – от цинской дипломатии к гоминьдановской и вплоть до дипломатии КНР.

Бесчисленное количество современных китайских авторов, выполняя некий социальный заказ и стремясь развеять миф о «желтой опасности», продолжают выступать с апологетикой «вечно миролюбивого характера» внешней политики Китая и идеализируют традиционную дипломатию «даннической дружбы и согласия», подчеркивая исключительно «рефлекторный» и «пассивно-оборонительный характер» политики «даннического мироустройства», «обеспечивающей мирное окружения для китайской земледельческой цивилизации». Четырехсотлетний период становления и развития российско-китайских отношений, включая советский период, свидетель-

ствуется о принципиальной возможности без крупномасштабного военного конфликта, путем диалога и переговоров решить все пограничные вопросы на взаимоприемлемой основе.

В результате 40-летних переговоров (1964-2004) между СССР/Россией и КНР на базе целенаправленной политической воли руководства двух стран были подписаны и ратифицированы соглашения 1991, 1994 и 2004 гг., которые не устанавливали новую границу путем деления территорий, а лишь вносили некоторые коррективы в уже существующую на основе действовавших договоров и соглашений и общепризнанную границу протяженностью в 4259 км., в т.ч. сухопутной – 705 км., речной – 3484 км., озерной – 70 км. При этом для достижения компромисса в основу установления границы и корректировки ее прохождения на отдельных участках на начальном этапе переговоров зачастую ложились не только историко-правовые аргументы (китайские авторы насчитывают до 20 «неравноправных» договоров), а главным образом взаимно осознанная политическая целесообразность.

Еще в 1964 г. обе стороны, взяв за основу старые российско-китайские договоры, признали, что на всем протяжении 7,5 тыс. км советско-китайской границы существуют более 30 участков, на которых прохождение линии границы понимаются неодинаково, что наглядно выявилось в результате обмена по инициативе китайской стороны географическими картами. Было согласовано, что в соответствии с общепринятыми нормами международного права, согласованными в 1919 г. на Парижской мирной конференции, на судоходных пограничных реках граница будет проходить по середине их главных фарватеров, а на несудоходных реках – по середине (тальвегу) реки или ее главного рукава. Два кровавых вооруженных столкновения весной 1969 г. на острове Даманский на реке Уссури и в районе Жаланашколь (Казахстан) в августе того же года послужил и фактором отрезвления перед перспективой фатального для обеих сторон геостратегического конфликта.

Заключительный этап переговоров стартовал в 1987 г. на волне нормализации двусторонних отношений и характеризовался совпадением заинтересованности руководителей двух наших стран в спокойном и конструктивном рассмотрении всех

сюжетов и в полном снятии пограничных вопросов с повестки дня российско-китайского диалога. Дискуссии были переведены из сферы политики и идеологии в область документально-исторических изысканий, когда договоры стали единственной основой для конкретного и тщательного сопоставления взглядов по каждому километру границы. Задача осложнялась тем, что многие старые договора как правовые документы были крайне несовершенны, а формулировки пограничных статей в русском, маньчжурском и латинском текстах неидентичны, очень общи и трудны для понимания, тем более что к договорам не было приложено карт.

Делимитация границы по ряду договоров была неудовлетворительна из-за неясности упомянутых в них географических ориентиров, а демаркация границы вовсе не проводилась, что позволяло сторонам порой произвольно перемещать линию границы. Исходя из концепции «обеспечения мирного окружения Китаю», освященной авторитетом Дэн Сяопина, китайские переговорщики пошли на по-своему беспрецедентный шаг – согласились юридически в Соглашении о границе на ее Восточной части 1991 г. зафиксировать то, что было согласовано, в т. ч. на спорных участках Ханкайском, Уссурийском и Хасанском (на реке Туманная), продолжив переговоры по оставшимся «окнам» в районе островов близ Хабаровска и в верховьях Аргуни.

В 1994 г. было заключено соглашение о Западной части российско-китайской границы от Монголии до Казахстана, протяженностью 58 км. Остальные пограничные вопросы участка до Афганистана были урегулированы после распада СССР независимыми государствами Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном полностью самостоятельно при документальной и архивной поддержке России. Дополнительное соглашение от 14 октября 2004 г., явилось торжеством политической воли обеих сторон, договорившихся в условиях строгой конфиденциальности на самом высоком уровне о нетрафаретном способе разграничения островных территорий примерно пополам с учетом заинтересованности сторон в соблюдении правила середины фарватера рек Амур и Уссури, определенного путем совместных гидрографических промеров. Чтобы попасть с главного

фарватера одной реки на другую, линия границы пересекла остров Большой Уссурийский, что было продублировано по аналогии и на незаселенном болотистом острове Большой (площадь 58 кв. км) на несудоходной Аргуни. Остров Тарабаров и значительная часть острова Большой Уссурийский при этом (всего 337 кв. км российской территории) были переданы китайской стороне.

Политическое решение по водоразделу позволило четко определить границу и принадлежность пограничных островов документально и географически, в показе на местности и тем самым снять с повестки дня серьезный «раздражитель» в межгосударственных отношениях в духе статьи 6-й российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июня 2001 г., констатирующей «отсутствие взаимных территориальных претензий». Понятно, что трудно говорить о подлинном добрососедстве во взаимоотношениях двух государств и народов без целенаправленной работы по изменению стереотипов России и Китая в массовом сознании народов двух стран-соседей.

На сегодняшний день сухопутные границы КНР, за исключением границы с Индией, где еще существуют взаимные территориальные претензии на участках общей площадью 133 тыс. кв. км., (примечательно, что предложенная Китаем «пакетная сделка Дэн Сяопина» сводится к идее обмена одного района индийской территории, на который претендует Китай, на другой район индийской же территории, который Китай захватил в ходе вооруженного конфликта в 1959-1962 гг.), получили свои договорно-правовое оформление и демаркацию (последним соглашением о сухопутной границе с КНР подписал в 1999 г. Вьетнам), и центр внимания китайской дипломатии переместился в сферу делимитации морских границ Китая.

К спорным вопросам принадлежности островных территорий, исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Пекине относят обширные пространства в Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, установление контроля над которыми возводится, наряду с присоединением к КНР Тайваня на выдвигаемых Пекином условиях, в ранг национальной задачи. Данные вопросы, касающиеся при-

тязаний Китая на небольшие островные территории – острова Сенкаку, Парасельские острова и архипелаг Спратли, а также исключительной экономической зоны и континентального шельфа в указанных морях, выводятся китайской стороной также из концепции «неравноправного характера» и «нелегитимности» договоров с империалистическими державами, которые пытаются де реанимировать те силы в сопредельных странах, которые унаследовали политику империалистов. Поддерживая эти проблемы в некоем «подвешенном состоянии» до поры до времени по методу «отложенного спроса», Пекин использует их, провоцируя многочисленные «случайные» инциденты, для отвлечения населения Китая от каких-либо конфликтных сюжетов и ситуаций внутреннего развития, с тем, чтобы добиться их «справедливого и рационального» решения с «историческими территориальными должниками» в более благоприятный момент.

Главным направлением экономической и политической экспансии КНР, урегулировавшей свои отношения с соседями на севере и западе, стала в 1990-е гг. Юго-Восточная Азия. Именно здесь в сфере своего традиционного влияния Китай испытывает военно-политическую и психологическую готовность активизировать свою внешнюю политику и, бросив вызов доминированию США и Японии, апробировать модель «мягкого», «незарегулированного» достижения стабильности и «неинституционального» обеспечения своего лидерства. Нет нужды говорить о тяжелом историческом наследии взаимоотношений стран региона с Китаем, предопределившем наличие неурегулированных территориальных споров, прежде всего связанных с Парасельскими островами (Сиша /Западный архипелаг/) и архипелагом Спратли (Наньша /Южный архипелаг/), официально включенными китайскими властями еще в 1934 г. в состав Хайнаньского административного района. Военная оккупация Китаем всех Парасельских островов была осуществлена в 1974 г., когда, пользуясь ситуацией обострения межвьетнамской войны, ВМС КНР, кстати, к нескрываемому восторгу Ханоя, выбили с архипелага сайгонские войска и затем создали там свою военную базу. Стороной длящихся уже не одно десятилетие споров о принадлежности Парасельских островов вы-

ступает также Тайвань. В 1988 г. флот КНР при столкновении с ВМС СРВ установил контроль над рядом рифов и атоллов архипелага Спратли (по-вьетнамски – Чыонгша), на которые претендует Ханой. Следует отметить, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Китай по-разному подходил к притязаниям стран – претендентов на острова Спратли, «с незапамятных времен» являющихся, по мнению Пекина, «исконной территорией» Китая. Если в диалоге с Филиппинами и Малайзией, опасаясь новых акций Китая после эвакуации американской военно-морской базы Субик-Бэй, Пекин предлагал отложить вопрос о суверенитете над спорным архипелагом и заняться совместным освоением его ресурсов, то позиция КНР относительно территориальных притязаний СРВ до ее вступления в июле 1992 г. в АСЕАН отличалась нежеланием искать совместное решение и идти на какие-либо компромиссы. Опасаясь оказаться один на один с Китаем в непростом территориальном споре, Вьетнам всячески стремится добиться интернационализации конфликта.

Масла в огонь подлил метод «картографической агрессии» Китая, отражающий его претензии на акваторию Южно-Китайского моря, вплоть до покушений на часть открытого моря, что явно противоречит статье 2 Женевской конвенции об открытом море 1958 г. и статьям 87 и 89 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Соседей Китая напугало то, что на издаваемых Китае картах, в частности, в Атласе провинций КНР «морская государственная граница КНР» обозначается в Южно-Китайском море (ЮКМ) буквально в 100-200 км от побережья Индокитайского полуострова и островов Зондского архипелага. Следует отметить, что, опасаясь возможной консолидации стран АСЕАН и их партнеров на антикитайской основе, Пекин стремился к обеспечению свободы рук Китая до наращивания его военного потенциала и приобретения всех атрибутов уже не региональной, а глобальной державы, а с другой стороны, хотел беспроблемно решать конфликтные ситуации на строго индивидуальной, т.е. двусторонней основе. 25 февраля 1992 г. Постоянный комитет ВСНП принял новый закон о морских владениях, провозглашающий суверенитет КНР над всей акваторией ЮКМ как «естественного продолжения суши» (3 млн. кв. км, практически 80% всей акватории ЮКМ) и исклю-

чающий какие-либо компромиссы по вопросам принадлежности спорных территорий, разграничения исключительной экономической зоны и континентального шельфа, что не могло не вызвать негативную реакцию и обеспокоенность не только Вьетнама, но и Тайваня, Малайзии, Брунея и, особенно, Филиппин.

Значимость закрепления суверенитета над всеми островами акватории для Пекина выходит далеко за рамки задачи завершения процесса присоединения некогда утраченных Китаем земель, ибо это позволит ему установить контроль над судоходством не только в пределах современной 12-мильной зоны территориальных вод КНР, но и над вторым в мире по значимости международным морским путем, на Малаккский, Ломбокский и Зондский проливы, на которые приходится до 60% его внешней торговли и 80% нефти, импортируемой в Китай из стран Ближнего Востока и из Африки. Значительным мотивом территориальных споров служит также наличие колоссальных рыбных ресурсов в ЮКМ, а также обнаруженные и подтвержденные крупные запасы нефти и газа на шельфе островов ЮКМ, что в условиях энергетического дефицита заинтересованных сторон значительно повышает «цену вопроса». В принципе, не отвергая выдвинутую странами АСЕАН компромиссную идею совместной разработки ресурсов континентального шельфа зоны островов Спратли, Пекин неизменно обуславливал и обуславливает начало подобной коллективной эксплуатации формальным признанием суверенитета КНР над разрабатываемыми участками. Параллельно Китай, стремясь перехватить инициативу, также предлагает приступить к совместному освоению некоторых секторов, лежащих в глубине шельфовых зон своих соседей, при этом отказываясь предоставить для совместного использования какой-либо из секторов, подконтрольных ему. В результате многолетних переговоров АСЕАН удалось в 2002 г. привлечь Китай к подписанию Декларации о поведении сторон в ЮКМ, по которой стороны обязались решать свои споры исключительно мирными средствами путем дружественных консультаций и переговоров между непосредственно вовлеченными в эти споры суверенными государствами. От присоединения к Кодексу поведения, который накладыва-

вал бы юридические обязательства на участвующие в нем стороны, Пекин, постоянно призывающий всех к «ответственности и сдержанности», в итоге уклонился. В Пекине возобладали сторонники «стратагемы шелковичного червя», стремящиеся добиться своего, постепенно, шаг за шагом, демонстрируя флаг, расставляя маркеры и расширяя военное присутствие в этой стратегической зоне. При этом, понимая, что сохранение права свободной навигации является приоритетной задачей и для США, и для их традиционных союзников Японии и Южной Кореи, и нарушение его чревато лобовым столкновением с ними, китайское руководство стало все активнее декларировать готовность к ведению переговоров по урегулированию разногласий в ЮКМ на основе международного права и положений Конвенции ООН по морскому праву. Симптоматично, что, постоянно декларируя «недопустимость размещения вооруженных сил и военных баз за пределами национальной территории», Пекин сам не прочь обзавестись и стремительно обустривает опорные пункты и базы в обширном регионе ЮВА, взяв курс на проецирование военной мощи Китая за пределы материка в направлении прибрежных акваторий. Инциденты с участием китайских кораблей, сопровождаемые патрулированием спорной акватории, попытками ведения строительных работ, возведения столбов и установления маркеров в районе необитаемых спорных рифов, грубым противодействием патрульных катеров геологоразведочной деятельности (вплоть до таранов и перерезания кабелей, как в случае с сейсмологическими вьетнамскими судами летом 2011 г.) провоцируют вдохновляемые перспективой подключения к конфликту США ожесточенные дипломатические баталии, всплески антикитайских настроений в заинтересованных странах, попытки водружения национальных флагов на спорных островах, учения с боевыми стрельбами в их районе, массовые бойкоты китайских товаров и хакерские атаки на китайские сайты.

Еще большую озабоченность мирового сообщества вызывают территориальные споры, чреватые возникновением серьезного военного конфликта, вокруг островов Сенкаку (кит. название – Дяоюйдао /Рыболовные/) и в акватории Восточно-Китайского моря (ВКМ), находящиеся в фазе очередного обо-

стрения. Последние десятилетия, и в частности непростой диалог по проблеме спорных островов Сенкаку и акватории вокруг них, внесли некоторую коррекцию во взаимоотношения двух представителей «стратагемной дипломатии», прекрасно знающих друг друга и выработавших четкую систему сигналов, позволяющую двум странам успешно лавировать в сложном сплетении факторов сближения и отчуждения. Острова Сенкаку, законность реального владения которыми Японией оспаривают и Пекин и Тайбэй, расположены в ВКМ в 420 км к западу от японской Окинавы, 420 км к востоку от порта КНР Фучжоу и в 190 км к северо-востоку от тайваньского порта Цзилун. Острова необитаемы и из пяти островов архипелага лишь три относительно крупных, общей площадью 6.3 кв. км. Территориальный спор вокруг Сенкаку стал подогреваться с середины 1990-х гг. в связи с подтверждением наличия на шельфе и в акватории богатых нефтегазовых месторождений, (в частности, были обнаружены значительны запасы природного газа, оцениваемые приблизительно в 200 млрд кубометров), и возрастанием зависимости от ввоза углеводородов и Китая (КНР превратилась в нетто-импортера нефти с 1993 г.) и Японии, чья экономика на 90% зависит от внешних поставок энергоресурсов. В период напряженности в японо-китайских отношениях проблема Сенкаку постоянно присутствовала и выступала в качестве постоянного «раздражителя», что подогревалось регулярными попытками высадки на острова китайских патриотов с материка и с Тайваня, пресекаемыми японскими патрульными кораблями. Учитывая всю деликатность вопросов территориальной целостности и суверенитета, сблизить позиции сторон и найти оптимальный компромисс по данному сюжету становится все труднее, ибо и в КНР и в Японии проблема оказалась загнанной в некий «политико-эмоциональный тупик», когда разноречивыми историческими оценками и представлениями о процессах складывания границ государств все более становится предметом конъюнктурного политиканства, игрой броских фраз, популистских манипуляций. Со временем, наряду с непосредственно островами Сенкаку, обрел все большую актуальность и вопрос о разграничении исключительных экономических зон Китая и Японии в ВКМ. Принятое Токио решение, а в июле 1996 г. и введе-

ние 200-мильной Особой экономической зоны (ОЭЗ) вокруг Японии призвано было закрепить японские права на указанные острова, что обостряло проблему делимитации морской границы в этом районе. Между тем, согласно Конвенции ООН по морскому праву, исключительные экономические зоны прибрежных государств могут простираться до 200 морских миль от береговой линии, но в случаях, когда между странами – менее 400 миль и происходит взаимное перекрытие ОЭЗ, им следует договариваться, находя компромисс. В случае с Китаем и Японией попытки достичь компромисса путем переговоров успеха до настоящего времени не имеют. Лишь с 2006 г., когда спала эскалация напряженности в китайско-японских отношениях, стало возможным начать переговоры руководства двух стран с целью нормализации обстановки и была даже по инициативе Китая достигнута договоренность (носившая скорее декларативный характер) о совместной разработке месторождения и совместном освоении ресурсов ВКМ. При этом Пекин считал, что проблемы принадлежности островов Дяоюйдао и демаркации японо-китайской границы в ВКМ следует решать «в одном пакете», а Токио было не готово к принятию такого подхода и вообще не желало обсуждать вопрос о принадлежности островов Сенкаку. Несмотря на то, что в период «потепления» 2007-2009 гг. между КНР и Японией были достигнуты и неоднократно подтверждались договоренности об установлении «стратегических взаимовыгодных отношений», сопровождаемые заявлениями с обеих сторон о стремлении «превратить ВКМ из моря проблем в море дружбы», претворить в жизнь эти благие намерения не получилось. Столкновение вблизи островов Сенкаку 7 сентября 2010 г. китайского траулера с двумя патрульными катерами береговой охраны Японии, вызвавшие большой общественный резонанс в обеих странах, привело к очередной вспышке китайско-японской вражды. Китай в этих условиях продолжает расширять и интенсифицировать свою военно-морскую активность в прилегающих к Японии акваториях, проводя там военные учения, осуществляя сбор информации и препятствуя аналогичной деятельности японской стороны.

2012 г. ознаменовался развертыванием между Токио и Пекином «войны наименований» островов акватории, а очередной скандал вспыхнул в связи с решением Токио национализировать путем выкупа у частных лиц трех из пяти островов Сенкаку, что привело к очередной антияпонской истерии в КНР, сопровождаемой массовыми демонстрациями, штурмом посольства Японии, поджогами и погромами, приостановлением работы предприятий ряда японских компаний, призывами к бойкоту товаров японского производства, направлением к Сенкаку военных кораблей «для защиты суверенитета».

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что проблема островов и акваторий Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей стала важным индикатором того, в какой степени китайскому руководству свойственно стремление добиваться своих целей на международной арене военно-силовыми методами, а также может дать ответ на вопрос, будет ли усиление геостратегических позиций КНР сопровождаться ростом агрессивности ее внешнеполитического поведения. На сегодняшний день очевидно, что неурегулированность вопросов делимитации морских акваторий предопределила рост военных расходов и военно-морской активности КНР далеко за пределами своих территориальных вод в водах морей, омывающих восточноазиатские страны, в исторической памяти которых еще живы воспоминания об «уроках возмездия», присущих многовековой «даннической системе». Апеллируя к нормам международного права и призывая ненасильственному урегулированию проблемы методом консультаций, Китай демонстрирует упорное нежелание всерьез рассматривать требование стран региона провести справедливое и комплексное размежевание спорных районов, и даже демонстрируя готовность обсуждать вопросы, связанные с континентальным шельфом, не снимает с повестки дня свои притязания на владение спорными островами.